

МОИ ВСТРЕЧИ С НЕКРАСОВЫМ

Оглядываясь в далекое прошлое, вижу в его туманных далях бесконечную галерею отошедших от нас властителей дум. Из сплывающегося фона пережитых былей едва ли не самым отчетливым выступает передо мною характерный облик Н. А. Некрасова. И сейчас в моих ушах звучит хриплый, как будто простуженный голос поэта и внимательно всматриваются его пристальные глаза, угадывающие во мне самому мне неясное. Под жесткими усами чуть скользит недоверчивая улыбка, смягченная снисходительностью к маленьким слабостям других, а может быть, и трудною памятью о себе самом.

Я уже напечатал в "Вестнике Европы" "Соловки" и начал в "Деле" очерки "У океана"¹. Мои первенцы были хорошо приняты литературным миром. Это окрылило меня. Захотелось проникнуть в "Отечественные записки", где за год перед тем Демерт уже включал в статьи о русской провинции выдержки из моих писем². В то время мы, молодые, с тревогой, робостью и неуверенностью стучались в двери этой редакции, где заправилами сидели сами "боги": Некрасов, Щедрин, Михайловский. Помню, как крупные, уже признанные таланты, вроде Глеба Успенского, поминали царя Давида и всю кротость его, ожидая свидания с грозным Михаилом Евграфовичем. Ведь Щедрин подчас был так суров и не стеснялся не только с начинающими. Более того, с ними у него суровость была скорее ласковая, нужно было лишь уловить ее: брови хмурились, а глаза смеялись. Но с генералами от литературы он совсем не церемонился. Редакторского респекта к модным именам и авторитетам у него не было и тени. Никогда не мог я забыть, как растерялось одно такое восходящее и модное "светило", когда, теребя его рукопись нервными пальцами, сатирик вдруг огорошил "светило", не стесняясь присутствующими, своим громогласным басом: "Ну, батюшка, вы тут столько набоборыкали"³. Я, признаться, вчуже смалодушествовал и направился было к дверям, да наткнулся прямо на Николая Алексеевича. Он угадал, в чем дело, и удержал меня за локоть, смеясь: "Погодите, мы прочли ваши очерки "За северным полярным кругом". И ему (кивок в сторону Щедрина) понравилось".

- Понравиться-то понравилось, - сердито забасил опять Салтыков. - Да уж очень кругло пишете. Ни на один сучок не наткнешься... А только, чего это вы со всех колоколен зазвонили? Довольно бы и с одной! Сколько литературных просвирен взбудоражили. Не на пожар, слава богу! И "Вестник Европы", и "Дело", и "Неделя", и в "Голосе".

Некрасов вступился.

- Нет, это он хорошо. Сразу имя себе сделал. Щедрин не унимался.

- Сделал-то сделал, но нельзя же так. Точно с луны свалился, проломил крышу и с целым грузом рукописей. Сидят почтенные Стасюлевичи, истоиво журчат тихую беседу, как по нотам. И вдруг этакое чудище - шарах на головы... Получайте. Караул закричишь!

* * *

Редакторы в наше время не стеснялись. Я помню, как тот же Щедрин гильотинировал один слишком затянувшийся роман, кажется, Гирса. Роман не понравился Михаилу Евграфовичу, он просил автора прикончить его, а тот, наоборот, пообещал еще две полновесные части. И вдруг в новой книжке журнала с ужасом прочел описание грандиозной стихийной катастрофы, в которой безвременно погибли все его действующие лица...⁴

... Надо сказать, что Н. А. Некрасов ко всему, что носило печать таланта, относился не только внимательно, но и трогательно. Особенно если молодой писатель был беден, а кто же из нас тогда был богат? Он для таких являлся не издателем, а скорее товарищем, собратом, если хотите, опекуном. Время было тяжелое. Капитал еще не врывался в печать, и самые популярные впоследствии издания начинались с такими ничтожными средствами, с какими

нынче не выпустишь и тощей книжки. Случалось для очередного номера закладывать женины серебряные ложки. Разумеется, это не относилось к "Отечественным запискам", "Вестнику Европы", "Делу" или "Русскому вестнику", но и у них бывали затруднительные минуты. Ведь впоследствии средней руки автор за газетный фельетон получал больше, чем, например, Достоевский за печатный лист в мое время.

Н. А. Некрасову нелегко достался издательский успех. А ведь он помимо громадного таланта обладал еще практической сметкой, какой не могут похвалиться и заправские коммерческие дельцы. Это и помогло ему создать не одно крупное литературное предприятие, не скупясь с сотрудниками, а широко по тому времени тратя на них подписные тысячи. Он никогда не мог забыть пережитых им былей. Первые годы его литературной деятельности в Петербурге отмечены тяжелыми лишениями, даже нищетой. Я могу здесь привести со слов Николая Алексеевича страничку из мартиролога некрасовской юности.

Был скверный осенний вечер в Петербурге. Я встретил поэта на набережной Невы у Зимнего дворца. Ни красок, ни света, все темно и серо кругом, дали казались а намеченными карандашом в тумане. Николай Алексеевич стоял, опершись на гранит у Зимнего дворца. Внизу грузно плыла свинцовая Нева. Холодом веяло. Он оглядел меня и усмехнулся:

- Как вы сейчас напоминаете мне меня самого много, много лет назад. Что, у вас нет теплого пальто?

- Есть. Только я не люблю кутаться.

- Ну, я бы тогда закутался с удовольствием. У меня не один такой вечер в памяти. Позади нетопленная квартира, за которую несколько месяцев было не плачено. Так же я здесь вот стоял и смотрел в ту сторону через реку. Там огоньки мигали. И думалось - завернуть в простыню "Сто русских литераторов" Смрдина⁵, навязать себе на шею и бултыхнуться в тусклую Неву. Трудные были годы... Каторжные... Много они в моей душе вытравили и здоровья отняли немало.

- У вас отец был богатый.

- Богатый? Нет. Средства, как у средней руки помещика, да... только мне легче было бы жернов на шею... Я мать любил... - оборвал он свой рассказ.

Я думаю, его чуткость к чужой нищете шла именно с этого времени. На себе испытал ее унижения. Часто безжалостный и суровый даже со своими богатыми друзьями - он совершенно менялся, встречая нищего писателя. Мне известны случаи, когда он помогал таким во враждебном ему лагере. Анонимно. Я думаю, они никогда не узнавали - откуда сваливалась к ним благодетель. Раз он через меня послал крайне нуждающемуся мелкому юмористу, лично его преследовавшему когда-то довольно глупыми стихами в благовременно угасшей "Занозе". И глупыми, и, правду сказать, подлыми⁶.

- Откуда вы? - встретил меня в воротах дома, где жил тот.

- От ***.

Поморщился.

- Охота вам с такой свиньей знаться.

- Нуждается... В доме ни копейки. Больной. Жена плачет.

- Да? Пойдемте вместе...

Молча прошел до своей квартиры в доме Краевского на Литейной.

- Зайдите. У него дети, - говорите?

- Двое... Нахмурился.

- Дрянь он большая... А все-таки... Жена ни при чем... Вот что, садитесь на извозчика и слетайте к нему.

- Зачем?

Вложил в конверт две сторублевки, - по тем временам деньги. Ведь в лучших случаях платили по пятидесяти с листа средней руки писателям.

- Только дайте мне слово: ни гуту, от кого... Если проговоритесь, - никогда не прощу вам. А через неделю вы ему еще отвезете.

Таких анонимных пособий он немало рассылал. Часто даже не через своих, а был такой лакей-доверенный А. А. Краевского Гаврила, известный всему литературному Петербургу. Надежный человек. Некрасов в деликатных случаях пользовался его услугами. Смешно было, когда знавшие Гаврилу потом являлись благодарить ничего не понимавшего Андрея Александровича Краевского, человека в денежных отношениях точности казначейской, но и неподатливости тоже казначейской.

- Не Гаврила же им помогает? - разводил он руками.

Я мог бы назвать ряд и крупных и малых писателей, которых таким образом не раз товарищески выручал Н. А. Некрасов. <...>

* * *

В Некрасове часто замечалось два человека. За письменным столом, в редакции - один. Друг и товарищ писателя, он в Английском клубе или со своими чиновными, богатыми и аристократическими друзьями казался совсем другим. Двуплкий Янус Но хорошею стороною обращенный к нам, ко всем, кто в нем нуждался, до последнего типографского рабочего, рассыльного. И в нем это не было напускное, личина для публики, для рекламы, нет! Тут он являлся самим собою. И в этом его бы не узнали клубные завсегдатаи, видевшие его за зеленым сукном. Столько лет прошло со смерти Николая Алексеевича, что я, не оскорбляя его памяти, могу остановиться на этой стороне его жизни.

Враги, да сказать правду, и друзья часто обвиняли его (за глаза, разумеется) в том, что он крупно играет, более того, что играет наверняка. Лицемерно оправдывали его заботой о журнале. И не знаешь, кто был подлее в этом соревновании подлости и клеветы: люди, близкие к нему, или посторонние. Выросший в старой помещичьей среде, не в идиллии тургеневского "Дворянского гнезда", а скорее в аду щедринских героев, под лай собак, свист арапников, рыдания замученных женщин и бешеные крики игроков - Некрасов был человеком великих неукротимых страстей, которому был нужен головокружительный риск, опасности, сбивающие с ног ощущения. Где было их искать в то время, да еще ему, связанному серьезным и благородным делом таких журналов, как "Современник" сначала и "Отечественные записки" потом?

Отводом бунтующей, неукротимой силе и являлся вечером Английский клуб с целыми состояниями на зеленом сукне, с борцами на жизнь и на смерть кругом. В этом отношении на моей стороне являются великие тени Тургенева и Достоевского. Иван Сергеевич не любил поэта. Жизнь поссорила их⁷. Федор Михайлович относился к нему с остро-болезненною подозрительностью и со сложным чувством вражды-любви. Но и тот и другой негодовали, когда злорадные клеветники в их собственных лагерях выдвигали против Некрасова ставшее банальным от частого повторения гнусное обвинение.

Тургенев, выросший сам в помещичьей среде и наблюдавший родственные Некрасову типы, называл его "головорезом карточного стола". Вот подлинные, хорошо запомнившиеся мне слова великого романиста: "Некрасова не выигрыш тешит. Ему нужно или самому себе сломать голову, или в пух и прах разбить другого. Своего рода Малахов курган. Там благородная игра со смертью, а тут тоже, если хотите, смертельный риск остаться нищим".

Достоевский говорил иначе. Он сам был азартный игрок и, вспоминая Некрасова, точно оправдывался. Я помню, на одном вечере у Аполлона Николаевича Майкова он схватил за локоть брата его, Леонида, дергаясь и зло сверкая сощуренными глазами, точно в истерическом припадке, выкрикивая: "Дьявол, дьявол в нем сидит! Страстный, беспощадный дьявол! Одержимые (он уже переходил на множественное число) - они всегда такие. И чем сверху спокойнее, тем внизу грознее огонь пышет, лава вскипает. Ему померяться, чья возьмет, - нужно. Другие из такой страсти убивают, а он направо и налево мечет. Не будь этого - его бы в ключья разорвало, выжгло бы всего... Да-с!"

Человек великих страстей, отводящий душу в риск,-- таким в откровенные минуты рисовал его и Н. К. Михайловский, тоже не любивший правильных и соразмерных людей, от которых за версту камфарой и нафталином пахнет. Он, Некрасов, умел терзаться перед самим собою, исходя кровью покаянных стихов в бессонные ночи. Тот же Н. К. Михайловский и по тому же поводу, возмущаясь клеветами на Н. А. Некрасова, говорил при мне С. А. Венгеру: "Нельзя таких, как он, мерять обыкновенным аршином. Выше штанов не подымешься. Ни до головы, ни до сердца не доберешься". <...>

* * *

Некрасов не любил давать начинающим советов, как и что писать. Он говорил: каждый должен вырабатываться сам. Учись ходить без посторонней помощи. Не оглядывайся на других. Сам спотыкайся и, разбивая себе нос, не рассчитывай, что сосед вовремя схватит тебя под локоть. Учителя у тебя одни: твой талант и наблюдение. Старайся видеть больше. Именно - видеть. Читатель смотрит - а ты видишь. Чтобы наблюдать, надо также учиться. Не кляни неудачи, они лучшие профессора. Неизвестно еще, что полезнее - чтение плохих или образцовых вещей. Во всяком случае, первое тоже приносит свои плоды чуткому писателю: в каждом из нас заложены минусы. Ты видишь их ясно у плохого писателя и, если в тебе нет самовлюбленности, скоро, благодаря дурной книге, заметишь и в своем поле скверную траву и выполешь ее.

Как-то Тургенев советовал мне: дайте вылежаться каждой вещи хоть год в письменном столе. Встретясь с Некрасовым, я передал ему этот совет. Он усмехнулся: "Ему хорошо. Этот год он и без гонорара проживет. Дворянское гнездо. Для ювелирной работы средства нужны. Да и потом, что сегодня прекрасно и вовремя подано, завтра оно поблекнет, простынет и как в собачьей плошке салом покроется".

Но раз напечатанное в периодическом издании - для отдельной книги всегда надо переработать. Журнал забывают, книга будет жить. Находя у меня слишком много ярких красок, он советовал: "Вам надо писать, как японские живописцы свои картины. Спросите у Гончарова. Он как-то рассказывал при мне. Они не жалеют колеров и резкостью очертаний не пренебрегают. Но окончив картину и дав ей высохнуть - нежнейшей губкой начинают смывать краски. Теряется подчеркнутость линий и блеск. Все как будто подернуто туманом. К нашей северной природе это идет!"

И вскоре, сам себе противореча, он говорил мне: "Нет серой жизни и серой природы, а есть серые люди".

Где-то я читал, что Н. А. Некрасов не любил Пушкина. Это ложь. Свидетельствую о этом. Поэт гражданской скорби не раз и не два говорил и мне и при мне молодым поэтам: "Учитесь грамоте по Пушкину. Не только читайте - изучайте и любите его. Любите влюбленно, как любят в юности женщину, с восторгом обожания. В нем не только красота и сила. В нем школа и для вас провидение (теперь бы сказали - интуиция). У него не одна гармония стиха - но внутренняя гармония, он больше кого бы то ни было усвоил тайну

стройности и соответствия. Посмотрите, как великолепны перспективы его крупных произведений, любой художник-живописец может позавидовать его дальнорзости. А как он умел отбрасывать иногда пленительные мелочи ради стройного целого. Как он целомудренно скуп на сравнения, которые, как настоящий мот, сыплете вы - всё в одну кучу..."⁸

Следовало бы еще откликнуться на то, что больше всего мучило великого покойника, - на его стихотворение, посвященное Муравьеву; но не нам, не нам судить ошибку человека, спасавшего этим благороднейшее дело своего журнала и добрую сотню сотрудников и рабочих, между которыми были такие, именами которых до днесь гордится вся Россия и каждый русский...

Некрасов, читая свои стихи в Английском клубе, на обеде, данном Муравьеву, не предавал, а спасал⁹. И потом целыми потоками покаянной крови смыл эту - не измену, а ошибку...¹⁰

- Не нам судить тебя, - обращаюсь взволнованно к его печальной тени, - ты сам осудил себя и икупил годами страдания свой минутный грех. И мы давно, благословляя твой гений, благоговейно склоняем голову перед твоею великою тенью!

Примечания

Беллетрист, автор путевых очерков, фельетонов Василий Иванович Немирович-Данченко (1844--1936), вошел в литературу при участии Некрасова и его журнала "Отечественные записки".

В 1870 году, находясь в Архангельске, месте своей ссылки, Немирович-Данченко послал Некрасову свои стихи с просьбой их напечатать и оказать ему поддержку (см. *Некрасовский сборник*, I, стр. 208).

Некрасов ответил ему 22 ноября 1871 года: "Во уважение серьезных причин, изложенных в Вашем письме, а равно и достоинств Ваших стихотворений, редакция "Отечественных записок" напечатала некоторые из них - лучшие, по ее мнению" (XI, 198). В журнале (1871, No 11) было напечатано пять стихотворений под общим заглавием "Из песен о павших" за подписью "Д". Обрадованный автор писал 29 ноября 1871 года Некрасову: "Ваше участие дало мне новую жизнь, вывело меня на новый путь. <...> Вы протянули руку окончательно погибшему человеку. Вы спасли, положительно спасли меня.

Я думал уже кончить самоубийством--другого исхода не было. Положение мое доходило до крайности. Я был без квартиры, без хлеба, без работы" (*Некрасовский сборник*, IV, стр. 211). Вскоре Немирович-Данченко послал в "Отечественные записки" новые стихи. Некрасов выбрал из них два ("Освобожденный", "После войны") и опубликовал (ОЗ, 1872, No 2), предварительно поправив их (см. *Некрасовский сборник*, IV, стр. 212--213).

Немирович-Данченко писал 23 февраля 1872 года: "Очень и очень Вам обязан и за нравственную и за материальную поддержку. <...> Отчего судьба не закинула меня к Вам пять лет тому назад! Иначе была бы направлена моя жизнь!.." (*ЛН*, т. 51--52, стр. 414).

В те годы Немирович-Данченко пробовал и в других литературных жанрах. Он выслал "на суд" Некрасова поэму; в декабре 1871 года отправил в "Отечественные записки" рукопись романа под названием "Тьма непроглядная (очерки из жизни подневольного странника)", по-видимому автобиографическое произведение, в котором, как писал автор Некрасову, "очерчена та тяжелая среда, которую прошел я" (*ИРЛИ*, ф. 266, оп. 2, ед. хр. 227). Однако ни роман, ни поэма в журнале не появились. В 1874 году в "Отечественных записках" (NoNo 8-- 10) были напечатаны его очерки "За северным полярным крутом". На этом его сотрудничество в этом журнале закончилось. Немирович-Данченко стал модным очеркистом, сотрудничавшим в либеральной прессе; он пародийно изображен Салтыковым-Щедриным в очерке "Тряпичкины-очевидцы" (*Щедрин*, т. XII, стр. 480--514).

Воспоминания Немировича-Данченко были написаны в 1927 году к 50-летию со дня смерти поэта.

Печатается с сокращениями по тексту, опубликованному в "Литературном наследстве", т. 49--50, Изд-во АН СССР, М. 1949, стр. 591--596, 598--599. Публикация С. А. Макашина.

¹ Стр. 298. "Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами" - *ВЕ*, 1874, NoNo 8 и 9; "У океана. Очерка севера" - в журнале "Дело", 1874, NoNo 7--9 и 12,

² Стр. 298. В обзоре - "Наши общественные дела" (*ОЗ*, 1870, No 10) была сделана ссылка на информацию "местного корреспондента" из Архангельска, где жил тогда Немирович-Данченко.

³ Стр. 299: Намек на подражание П. Д. Боборыкину, к творчеству которого Салтыков-Щедрин относился отрицательно. См. стр. 251.

⁴ Стр. 300. Сведения об этом эпизоде неизвестны. В "Отечественных записках" (1868, NoNo 3, 4) напечатано начало романа Д. К. Гирса "Старая и юная Россия". Продолжение публиковалось в журнале "Дело" (1870, No 1). Роман не был завершен.

⁵ Стр. 301. "Сто русских литераторов" - многотомное иллюстрированное издание художественных произведений, осуществленное А. Ф. Смирдиным. Некрасов написал критическую рецензию на второй том этого издания (*ЛГ*, 1841, NoNo 82, 83 и 84).

⁶ Стр. 301. Автор публикации С. А. Макашин высказал предположение, что в данном случае имеется в виду поэт М. П. Розен-гейм, редактор и издатель сатирического журнала "Заноза". В "Занозе" в 1863--1864 гг. он опубликовал памфлетные стихотворения "Что думает редактор, когда ему не сгится", "Русский Ювенал" (см. *ЛН*, т. 49--50, стр. 599).

⁷ Стр. 303. См. стр. 457--460.

⁸ Стр. 305. Некрасов неоднократно призывал учиться у Пушкина. В связи с выходом биографии Пушкина, написанной П. В. Анненковым (1855), Некрасов писал: "Читайте сочинения Пушкина с той же любовью, с той же верою, как читали прежде, - и поучайтесь из них <...> Поучайтесь примером великого поэта любить искусство, правду и родину, и если бог дал вам талант, *идите по следам Пушкина...*" (IX, 364). Е. Литвинова, в юности встречавшаяся с Некрасовым, увлекавшаяся в то время стихами, вспоминает: "... Некрасов посоветовал мне изучить Пушкина также и с точки зрения образцовой формы. И при этом вспомнил с восторгом выражение Пушкина: "дорога, как змеиный хвост, полна народу, шевелится" (Е. Литвинова, Воспоминания о Некрасове, -- "Научное обозрение", 1903, No 4, стр. 137).

⁹ Стр. 305. Речь идет о "муравьевской оде", прочитанной Некрасовым 16 апреля 1866 г. в Английском клубе. Об этом см. прим. 21 к стр. 178.

¹⁰ Стр. 305. Имеются в виду "покаянные стихи" Некрасова: "Ликует враг, молчит в недоуменье...", "Зачем меня на части рвете...", "Умру я скоро. Жалкое наследство..." и др.